

Волошин являлся людям и как краевед, и как жизненный мудрец.

Прекрасно здесь догорала жизнь, увенчанная многообразным опытом. Недаром останки его приподняты над Коктебелем, так именно, как Коктебель из мало кому ведомой деревушки превратился в полное будущего место отдыха для сотен и сотен людей.

И, как знак благодарности Волошину, дом его, ставший домом поэта, должен неприкосновенно сохранять память о нем. Музей Волошина есть лучший памятник, поставленный делу его жизни.

Надежда Рыкова МОИ ВСТРЕЧИ

Я увидела лицо Максимилиана Волошина еще до встречи с ним. Имелась такая книжка - антология современной поэзии, очень хорошая книжка. В ней отобраны были действительно лучшие стихи символистов и их предшественников всех стран (в русских переводах), но, конечно, больше всего было русских поэтов - от Мережковского и Минского до Гумилева и Волошина. Каждому циклу предшествовал портрет. Волошинский был репродукцией с рисунка (или офорта) какого-то из "мирискусников"⁸³⁷: не просто лицо, а лик - пышнокудрый и пышнобородый и ничего не говорящий о возрасте, как у тех греческих богов, которым по иконографии полагается быть бородатыми и которые поэтому ни молоды, ни стары, ибо их свойство - вечная, непреходящая мужественная зрелость.

Первая моя встреча с Максимилианом Александровичем (если это можно назвать встречей: я ведь тогда с ним не познакомилась) произошла в декабре 1918 года в Симферополе. Крым тогда был в полосе гражданской войны. Немецкие оккупанты недавно ушли, но советская власть еще не установилась. Крымом управляло "краевое правительство", в которое входили по преимуществу разные местные деятели, но Симферополь превратился в своего рода "культурный центр", где было много беженцев с севера - ученых, писателей, артистов. Какие-то общественные организации устроили вечер Волошина. Он читал свои стихи - те, из которых составились "Демоны глухонемые", а также два произведения, о которых мы знали только понаслышке: "Двенадцать" и "Скифы" А. Блока. Кроме того, он говорил. Говорил о культурной жизни Петрограда и Москвы, говорил о революции и интеллигенции, о России, ее трагедии и ее судьбах - словом, обо всем, что было тогда для нас самым главным. Мне же лично, при тогдашнем моем умонастроении, слова и стихи Волошина были, вероятно, тем, чем могли быть для людей древней Европы песни их аэдов, филов и скальдов - вещанием: вот было что-то пережито, выстрадано, что-то угадывалось, в чем-то хотелось увидеть смысл и значение, и пришел поэт, который дал вещам, событиям и обстоятельствам имена, о-смыслил их, обо-значил. Дело было не в конкретном содержании мыслей, которые высказывал Максимилиан Волошин. И при тогдашней моей восторженности я видела, что многие из них - поэтическая утопия, а не практический выход. Но эти мысли, а особенно стихи - "Святая Русь", "Стенькин суд", "Dmetrius-Imperator", "Ангел Времен", сонеты о французской революции, с их густой и терпкой образностью, с невероятной остротой и убеждающей наглядностью того, что можно назвать поэтическими формулировками, тревожили, соблазняли, укрепляли в ненависти и в любви к тому, что было любимо и ненавистно, а главное - доказывали, что жить можно и нужно, что где беды, там и победы, что все поправимо. Я говорю только о своем ощущении, притом - тогдашнем (мне было семнадцать лет), а вовсе не даю так называемого "объективного" анализа - бог с ним, с анализом. В те времена я писала стихи. Волошин надолго подчинил меня своему влиянию, своей манере, - именно манере, потому что "идеи"-то у меня были не волошинские: в моем "поэтическом видении" России и революции все было элементарнее, уже и - увы! - гораздо

⁸³⁷ 541 Имеется в виду сборник "Чтец-декламатор" (т. IV, изд. 2-е, Киев, 1912). В нем был воспроизведен портрет Волошина работы А. Я. Головина.

менее великодушно.

Познакомиться с Максимилианом Волошиным мне удалось только весной 1921 года. Весна была худая: сперва долго стоял холод, потом сразу наступила сухая жара и продолжалась уже все лето. Было голодно, а во всех прочих отношениях крайне неуютно. Максимилиан Александрович приехал в Симферополь, так как в Коктебеле и Феодосии для него сложилась неблагоприятная обстановка ⁸³⁸, - к счастью, "неблагоприятность" продолжалась недолго...

Я и моя подруга Юля Каракаш (тоже, подобно мне, "поэтесса") попали раз вечером к профессору А. А. Байкову⁸³⁹ - в тот вечер у Байковых был Максимилиан Александрович, он читал там новые, еще нигде не напечатанные стихи. Там мы и познакомились. Я должна сразу же сказать, что общение с Волошиным оказывало на всех, кто с ним близко встречался, удивительное действие. От него исходило спокойствие и мягкость - два качества, весьма прочно утраченные всеми, кто только что прошел через гражданскую войну. Но, так как он тоже прошел через нее и выстрадал ее и к тому же со-страдал (что вообще было ему очень свойственно), - спокойствие и мягкость казались необычными, тем более, что каждый сразу же ощущал, что первое проистекает из понимания и любви, и за второй - кроется подлинная сила. И еще одно: он проявлял к своему собеседнику - кто бы он ни был - глубокое внимание, притом одинаковое ко всем, независимо от того, кто с ним говорил. Как форма вежливости, это свойство встречается у людей по-настоящему воспитанных, но у Максимилиана Волошина оно проистекало не от учтивости, а просто было вниманием, как таковым. Каждый человек для него что-то значил. Разумеется, он делал выбор, он оценивал, одобрял и осуждал, но его первым движением было внимание.

Читал он тогда "Дикое Поле", "Китеж" и другие стихи о гражданской войне. Одно из них ⁸⁴⁰ было напечатано в первомайском (кажется) номере "Красного Крыма", как посвященное памяти французских коммунаров, павших в мае 1871 года, в "кровавые дни Парижа", но, тем не менее, это было стихотворение и о России, и о нашей гражданской войне. Кончалось оно так:

Так красный май сплелся с кровавой Пасхой,
И в этот год Христос не воскресал⁸⁴¹

"Дикое Поле" и особенно "Китеж" произвели на всех потрясающее впечатление, несмотря на то, что поэтические предсказания, содержащиеся в "Китеже", в прямом смысле не осуществились и как будто уже не могли осуществиться. Тем не менее они ощущались нами, слушавшими Волошина весной 1921 года, как пророчество. Вообще надо сказать, что некоторые поэты-символисты - как ни верти - были в какой-то мере пророками: Блок в "Стихах о России" и "Скифах", Андрей Белый в "Пепле", тот же Волошин в "Ангеле Мщеня", многих других стихотворениях, "Китеже". С ними дело обстояло как с античными оракулами: вещали они довольно темно; фабула, если можно так выразиться, их предсказаний никогда или почти никогда не оправдывалась, но прозрения - и какие прозрения! - были. Сбывалось существеннейшее: может быть, не тогда, может быть, не так, -

⁸³⁸ 542 В январе 1921 года, в условиях все усиливающегося террора в Феодосийском уезде, Волошин уезжает в Симферополь за поддержкой областных властей и получает ее.

⁸³⁹ Байков Александр Александрович (1870-1946) - химик и металлург.

⁸⁴⁰ 543 Речь о стихотворении Волошина "Красная Пасха". См. о его публикации в воспоминаниях М. Изергиной (с. 456) и 4-е примечание к этим воспоминаниям.

⁸⁴¹ 544 Неточно процитированные заключительные строки стихотворения Волошина "Красная Пасха".

но сбывалось.

Потом Максимилиан Волошин приходил к Юле Кара-каш (у нее удобно было в смысле района и квартиры). Я помню, мы очень долго ждали его - назначенный час уже прошел. Мы расхаживали по внутреннему двору дома, уже почти потеряв надежду. Наступали теплые сумерки. Но вот железная калитка открывается, перед нами Волошин: одной рукой захлопывает калитку, другая поднята вверх, его обычным, характерным, ему одному свойственным жестом приветствия. Носил он тогда суконную куртку какого-то "охотничьего" типа, широкие бархатные штаны до колен, а ноги были не то в гетрах, не то в обмотках. Ходил он быстро и так, словно всегда - по делу. Вообще движения у него были в то время быстрые, но очень заметно - без всякой суетливости.

В августе 1924 года, когда я из симферопольской студентки превратилась уже в ленинградскую и проводила лето в Крыму, мне случилось попасть в Коктебель, на дачу Максимилиана Александровича. Из Симферополя в Коктебель наша компания частью пришла пешком через Караби-Яйлу⁸⁴², частью приехала (через Феодосию). У М. А. на даче была пропасть народу - все из московско-ленинградских "высоко-интеллигентных верхов": Брюсов ..., Андрей Белый, Леонид Гроссман, Мария Шкапская, Остроумова-Лебедева и еще многие другие. Но крыша и подстилка нашлись и для нашей весьма горластой "банды" (большого нам в те годы и не требовалось). Все - и "верхи", и "низы" одинаково гуляли, купались, загорали (даже обгорали), а по вечерам предавались духовным наслаждениям, выражавшимся в том, что кто-нибудь читал стихи (свои, конечно), а за ужином и после него заводились беседы и рассказы.

Блестящим мастером заводить и поддерживать общий разговор был Максимилиан Александрович. Никак не забуду его рассказа о Черубине де Габриак, вернее - о том, как группой поэтов и критиков, близких к "Аполлону", был разыгран издатель-редактор этого журнала Сергей Маковский. История эта широко известна, и повторять ее незачем. Изложена она была Волошиным мастерски. Как известно, в связи с этой мистификацией между Волошиным и Гумилевым произошла дуэль. На вопрос кого-то из слушателей, чем она кончилась, Максимилиан Александрович кратко ответил: "Один из секундантов, Михаил Кузмин, потерял калошу"⁸⁴³. Тут было сказано все: "виньеточная" деталь (одинокая калоша, полузарытая в снегу) исчерпывающе осветила событие.

Максимилиан Волошин был удивительно радушный, заботливый и тактичный хозяин караван-сарая, где далеко не все гости из "верхов" симпатизировали друг другу. Если споры чрезмерно обострялись, он искусно вмешивался и "лил елей" - но так, что самого елая как-то не замечали, а замечен был только результат: всеобщее смягчение и успокоение. Случилось, что один из таких споров произошел между мною - личностью совершенно ничтожной по сравнению с высоким синклитом умов и дарований, собравшихся на даче Волошина, - и Андреем Белым (ни более ни менее!). Тема спора была (тоже - ни более ни менее!): Россия и Запад. К Андрею Белому у меня всегда было особое отношение. Мне его талант был, конечно, очевиден, многими его стихотворениями я восхищалась, но что-то в идеях Белого, в его задыхающейся, истерической (особенно в прозе) манере казалось мне враждебным, неприемлемым. Знакомясь задним числом с литературными спорами предреволюционной (даже, вернее, предвоенной) эпохи по всем "Весам", "Аполлонам", "Русским мыслям" и т. п., я всегда была на стороне, если можно так выразиться, акмеистического (в широком смысле) перерождения и переоформления символизма. Философствование Белого казалось мне в те времена тем самым, что Гумилев в "Огненном столпе" называл "многозначительными намеками на содержание выеденного яйца".

842 Обширное плоскогорье в главной гряде Крымских гор, между Судаком и Алуштой.

843 545 О потерянной галоше на месте дуэли Волошина и Гумилева см. в 9-м примечании к воспоминаниям И. Эренбурга.

Раз вечером зашел на волошинской даче разговор о сравнительной ценности культур - русской и западной. Со всем пылом довольно самоуверенной и недостаточно "вооруженной знаниями" молодости я, убежденная (а в то время и иступленная) западница, ринулась в бой за металлическую и каменную культуру против деревянной, за сушь против сырости, за отмериванье и разграниченье против безмерностей и безграничностей, за относительность против абсолютности и т. д. и т. п. Подробностей спора не помню. Крик стоял ужасный. Андрея Белого вывести из себя ничего не стоило. Дошло до того, что он сделал тактическую ошибку и принялся орать: "Девчонка! Доживите до моих лет, тогда будете разговаривать!" Этим тотчас же воспользовались две мои приятельницы, еще более юные, чем я, и к тому же принципиальные противницы всяких авторитетов, и тоже подняли крик: "У! Аргументы от возраста! Последнее дело! Позор!" А тут еще подливал масла в огонь профессор А. А. Байков, который усиленно "подначивал" меня, приговаривая: "Правильно, верно говорите: куда там наши деревянные церквушки против ихних соборов, едешь-едешь - сотни верст одни болота да избы, какая уж тут культура!" Максимилиан Александрович отнесся ко всему так, словно спор шел между вполне равными сторонами. Как легко было ему высмеять меня (и даже необидно высмеять), а он начал лить свой елей обычным способом и на Белого, и на меня, и вскоре мы затихли. Это дело я излагаю так обстоятельно, потому что о "споре Белого с какими-то студентками" не раз упоминали в разных воспоминаниях - и всегда искаженно.

Напоследок хочу сказать об одном впечатлении - зрительном, чувственном, которое у меня осталось тогда от Коктебеля и его хозяина (Волошин для нас всегда был хозяин Коктебеля в том смысле, в каком домовый - хозяин дома, а леший - хозяин леса). Устроили прогулку на Карадаг. Пошли все - и "верхи", и "низы". Жара была добросовестная. Но позади, над плоскогорьем, с которого теперь стартуют планеристы, начали собираться основательные лиловые тучи. Гроза напустилась на нас, когда мы еще не дошли до перевала. Все порассыпались, кто куда.

Я попала с пятью-шестью случайными спутниками в шалаш болгарского виноградаря. Было тесно и не так уж сухо: дождь подмачивал сквозь щели. Наконец, понемногу стало стихать. Появились на небе голубые полосы и прогалины, сухая намокшая полынь запахла очень сильно, каким-то привычным и в то же время особенным запахом - для меня это запах счастья. В это время перед нами возник (именно возник) Максимилиан Волошин. Он, как заботливый пастух, пошел собирать разбредшееся стадо своих гостей, заглядывал в шалаши, под кусты. Заглянул и к нам. Я увидела снизу вверх его волосатую голую руку с длинной жердью-чаталом, обнаженный торс, мифологическую голову на только что вымытом, еще облачном и уже голубом небе. Да, это был действительно *genius loci*⁸⁴⁴ - домовый, леший. Великий пан Коктебеля.

И всегда, припоминая Максимилиана Александровича, я прежде всего вижу и ощущаю это: шалаш, послегрозовой воздух, сухую намокшую полынь и голову, кудлатую, бородатую, глазастую, а в глазах немного беспокойства ("как тут, у вас?") и много смеха ("вот как у нас, в Коктебеле, бывает!")

Анна Остроумова-Лебедева ЛЕТО В КОКТЕБЕЛЕ

В 1924 году я и мой муж⁸⁴⁵ первый раз проводили лето в Коктебеле, у Максимилиана Александровича Волошина.

Мы давно были с ним знакомы, но последние годы не виделись. На протяжении нескольких лет он безвыездно жил в Коктебеле. В начале 1924 года Волошин с женой

⁸⁴⁴ Дух - хранитель места (лат.)

⁸⁴⁵ Сергей Васильевич Лебедев.